

ДУХЪ И ОРГАНИЗАЦІА.

(Окончаніе) ¹⁾.

III.

Теоретически разсуждая, почему бы сразу нельзя начать дѣлать то, что считается добрымъ; а полная сознательность и живая одушевленность явятся потомъ. Но дѣйствительность показываетъ, что бездушное и фальшивое начало можетъ въ корнѣ заморозить и умертвить дѣло, задуманное въ минуту благороднаго порыва.

Теперь много говорятъ объ оживленіи дѣятельности въ церковныхъ общинахъ и братствахъ (которыя большею частію называются техническими безыдейными именами приходовъ, учрежденій, заведеній). Для этого очень долго составляются холодныя инструкціи, которыя должны пройти въ жизнь чрезъ обычный механизмъ управленія. Если, предположимъ, эти инструкціи и положенія осуществляются, если въ церковныхъ общинахъ все сдѣлаютъ, „раздадутъ имѣнія нищимъ и тѣла свои отдадутъ на сожженіе“, но сдѣлаютъ это не по любви и вѣрѣ, а во имя внѣшняго благоустройства и взаимной пользы, по приказу или по другимъ побужденіямъ, то съ церковной точки зрѣнія будетъ значить, что ничего не сдѣлано, не достигнуто „никакой пользы“ (1 Кор. 13, 3). Дѣло, творимое безъ души, убиваетъ духовное и живое отношеніе къ нему дѣятеля. „Законные“ праведники (фарисеи)—образцы людей бездушныхъ. Думать, что холодная организація воспитываетъ людей или что привычка и непосредственный опытъ общественной благотворительности установятъ подлинно-церковный режимъ жизни, съ церковной точки зрѣнія, какъ выяснялось раньше, — явная неправда.

¹⁾ См. *Бог. Вѣстн.* Май 57—54 ст.

Ахъ, какъ много невыносимыхъ людей и характеровъ среди дѣятельнѣйшихъ членовъ благотворительныхъ обществъ! Для устроенія жизни на христіанскихъ началахъ *прежде всего* нужно, чтобы *эти начала* дѣйствительно были живы въ сердцахъ людей.

Нельзя думать, что можно написать планъ добрыхъ дѣлъ, размечтаться о красотѣ добродѣтели и сразу сдѣлаться добродѣтельнымъ. Нѣтъ, многія глубокія психологическія условія необходимы для того, чтобы человекъ дѣйствительно сталъ добрымъ и чтобы его дѣйствія были проявленіемъ чистаго добра.

Иногда приходится наблюдать, что извѣстный видъ добродѣтели „предписывается“. Для истинной добродѣтели нужно одушевленіе и свободное, увлекающее творчество. Не встрѣчая того и другого въ наличности, предписанія не могутъ этого создать. Дѣло двигается безъ духа, безъ любви, какъ электризуемый скелетъ. На собраніяхъ даже пастыри встрѣчаются какъ люди чуждые другъ другу. Собранія вялы и нудны, инертны и ворчливы. Дѣло не развивается; хотя въ громкихъ отчетахъ и повѣствуется иногда объ успѣхахъ двухмѣсячныхъ начинаній и о движеніи большихъ суммъ въ „совѣтахъ“ тѣхъ селъ, гдѣ и до совѣтовъ начали строиться храмы или школы и гдѣ послѣ построекъ „суммы“ обычно изсыкаютъ, какъ вода въ пустынныхъ рѣкахъ. Унылые организаторы создаютъ безжизненные учрежденія съ глубоко затаеннымъ недовѣріемъ и протестомъ. И все отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть. вмѣсто нашей силы проявляется наше великое безсиліе, вмѣсто могучаго движенія—разбродъ. На нашихъ и священническихъ собраніяхъ невольно мучишься мыслью: какая сила „раздѣлила насъ, чтобы господствовать“ надъ нами, и куда она насъ ведетъ? Да и какъ рѣдки, какъ малолюдны эти собранія! Нѣтъ силы, развивающей ихъ, силы единенія и огня. А вѣдь мы—представители этой силы...

Приходскія собранія или принимаютъ уродливое и очень далекое отъ христіанскаго настроенія и добродѣтели направленіе, или до смѣшнаго вялы и безсодержательны, иногда—безлюдны. Бываетъ, что дѣйствительно „нужный“ человекъ не ходитъ на эти собранія. Организаторъ напрасно увѣщаетъ его. „Зачѣмъ я пойду къ вамъ“, говоритъ тотъ: „пустословить и спорить, когда могу дѣлать? Въ увѣщаніяхъ я не

нуждаюсь, на людяхъ дѣлать добро не привыкъ. Собирайтесь, говорите: только безъ денегъ у васъ ничего не выйдетъ. А я не дамъ. Вы будто лучше меня распорядитесь моими деньгами? Едва-ли. Кому я хочу, вы, возможно, и не дадите. Уму—откажу“. Идетъ организаторъ потомъ и думаетъ: „а и правда, зачѣмъ мы собираемся?“ Большинство простого народа относится къ этимъ собраніямъ и начинаніямъ недо-вѣрчиво и боязливо, справедливо полагая, что дѣло въ концѣ сведется все къ новымъ обложеніямъ, къ новой тяготѣ. Иные же идутъ на собраніе съ хитрымъ расчетомъ, съ подозрѣніями, съ грубымъ и придирчивымъ контролемъ, съ чаяніями выгодъ, съ планами—отвоевать „на общество“ то, что жертвовалось на церковь, съ желаніемъ борьбы. И почему-то худшіе элементы наиболѣе дѣятельны... Такъ, искусственное механическое оживленіе добродѣтели только разочаровываетъ и принимаетъ благія стремленія; и потому предложенія о приходскихъ совѣтахъ встрѣчены пока только почти всеобщимъ несочувствіемъ духовенства. Разумѣется, апатія послѣдняго—главная бѣда; но—отчего она?...

Иногда доброе дѣло и состоится, соберутся достаточныя средства; но вѣдь однѣ деньги не дѣлають добра. Нужны добрые люди; а вмѣсто нихъ и при добрыхъ дѣлахъ стоятъ наемники. Иногда при наблюденіи и „Богоугоднаго заведенія“ задаешься вопросомъ: добро это или нѣтъ? Вотъ богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ. Не всѣ здѣсь стары, есть и очень сильныя; есть и покинутыя, за которыми никто не соглашается ходить и за хорошую плату; сосѣдки по крайней нуждѣ кое-что и дѣлають, но съ великимъ ропотомъ и обидой для недужныхъ. Другихъ некому научить и задать имъ полезную работу, онѣ пребываютъ въ праздности. А послѣдняя—мать всѣхъ пороковъ. Между призрѣваемыми обыкновенно царить лютая вражда и взаимонизгрызаніе изъза микроскопическихъ бездѣлицъ; такъ что иногда, дѣйствительно, можно опасаться, какъ бы онѣ „не были истреблены другъ другомъ“ (Галат. 5, 15). Къ этому прибавляется постоянное недовольство столомъ, подозрѣнія, что ихъ обворовываютъ; иногда это правда, часто же—плодъ только праздности и подозрительности. А въ семьяхъ эти старицы дѣлали, что было по силамъ, были отъ этого здоровѣе и были благодарны за тѣ крупницы, какія имъ иногда и отъ скудо-

сти, но давала любовь близкихъ, а не холодная складчина или расчетливая жертва богачей. Послѣдніе сбываютъ сюда тѣхъ, кто иногда всѣ силы свои отдалъ на служеніе имъ и затѣмъ сталъ для нихъ стѣснителемъ. А разбитая старость, много заслужившая предъ тѣми близкими, которыхъ „уже нѣтъ“, влачится беспомощно по камнямъ мостовой... Да, безъ добрыхъ людей и при средствахъ добрыхъ дѣлъ не получается. „Организаціи“ же обычно направляются къ результатамъ, а не къ воспитанію людей для дѣла.

Во имя взятой программы „попечители“ идутъ въ народъ—осязать язвы нужды и горя. Люди стыдятся ихъ показывать; а тутъ необходимо ихъ показать чужому, незнакомому. Нужда заставляетъ это сдѣлать. Но попечитель и самъ въ смятеніи: гдѣ онъ и что дѣлаетъ? по какому праву онъ сразу приступилъ къ сердцу ближняго и чужими холодными руками взвѣшиваетъ его печали? почему эти глаза дѣтей смотрять на него какъ на отца: развѣ онъ не самый обычный членъ попечительства, распорядитель чужихъ взносовъ, регистраторъ бѣдности по уговору другихъ? Истинная стыдливая бѣдность не расскажетъ ему всей правды, а нахальный лѣнивонецъ приведетъ его въ ужасъ рассказами о своихъ бѣдствіяхъ. Что-то нехорошее, принимающее, развращающее чувствуется здѣсь, какая-то вредная фальшь. Прикоснуться къ сердцу брата, понести его немощи,—вѣдь это доступно только самой чистой и горячеей, „Христовой“ любви. „Организація“ не дастъ ея, а нудитъ къ дѣламъ, только ей, любви, свойственнымъ, фальсифицируетъ ее. Но священнодѣйствіе добродѣтели, творимое безъ огня и простоты чистаго христіанскаго одушевленія, оскорбляетъ и сушитъ душу, какъ прелюбодѣйство добра, какъ святотатство любви, и создаетъ типъ, худшіи фарисея. Тамъ, гдѣ между дающимъ и принимающимъ нѣтъ Христа, сливающего ихъ души огнемъ Своей любви, не можетъ быть истиннаго добра—въ его церковномъ идеалѣ. Конечно, младенецъ и самарянинъ могутъ и безсознательно приблизиться къ духу Христову и посрамить священника и левита, но намъ, христіанамъ, бездушно и лицемѣрно силащимся иногда подражать самарянину въ то время, когда бы мы могли беззавѣтно и съ неудержимымъ одушевленіемъ идти по пути его, нужно вспомнить

слова Христовы: „безъ Меня не можете дѣлать ничего“. Это не напрасно сказано.

Первый порывъ добра долженъ идти на созиданіе вѣры, чтобы въ ней ему созрѣть и освятиться. Оживи въ себѣ вѣру—окрылить свою добродѣтель... У какого-то писателя есть сцена изъ обстоятельствъ послѣдней войны. Сестра милосердія въ Манчжуріи у постели раненаго. Она сыплеть цвѣтами краснорѣчія: какъ хорошо пострадать за родину, какъ отрадно умирать героемъ, что скажутъ родные и земляки и проч. А онъ слушаетъ съ злымъ упорнымъ взглядомъ, задыхаясь произносить: „да уйди же ты... нудная“... скрипнуть зубами, оборачивается къ стѣнѣ и умираетъ. Барыня на другой день уѣзжаетъ въ Петербургъ... Да, не во имя своей мечты, не во имя красоты добродѣтели, не во имя моды или предписанныхъ организацій, не во имя матеріальной пользы и чрева, а только во имя Бога, во имя Царства Его, во имя правды и любви Его—можно быть добрымъ и добродѣтельнымъ. *Вѣра оправдываетъ*, т. е., какъ говорилось выше, истинное разумѣніе сущности жизни создаетъ подлинную любовь и до смерти влечетъ человѣка къ осуществленію единой и вѣчной правды, ради только нея, въ простотѣ сердца, забывая все.

Люди въ большинствѣ случаевъ не знаютъ той правды, которая преобразила бы ихъ и осватила, не поняли ея, не восприняли, а ихъ уже тянутъ къ плодамъ этой правды, къ дѣламъ добродѣтели. Получается „нудная“ добродѣтель, едва-ли вполнѣ полезная. Но въ ней есть прямо-таки вредныя свойства: отъ нудности она дѣлается смѣшной, ея авторитетъ сильно падаетъ въ глазахъ людей, и большій холодъ водворяется въ ихъ сердцахъ на мѣстѣ поруганныхъ чувствъ. Не зная совѣмъ человѣка, знакомиться съ нимъ нарочно, дѣлать ему искусственный визитъ иногда значитъ никогда не быть съ нимъ какъ слѣдуетъ знакомымъ: пустота первой встрѣчи, чувство глубокой отчужденности при лишнемъ искусственномъ общеніи—могутъ иногда глубоко залечь въ душу. Эти для многихъ лишнія и искусственныя собранія, эти нудныя рѣчи и гнетущія молчанія отбиваютъ охоту къ общественной благотворительности и вообще къ „общенію“. Для массы призывъ къ устроенію совѣтовъ, собраній и проч. звучитъ чѣмъ-то чужимъ, страннымъ. Нужно сперва воспи-

татъ людей въ разумѣ и совѣсти, въ общественности, въ чувствахъ любви и долга, и тогда не только не нужно будетъ звать и недозывать ихъ на собранія братьевъ, а не удерживать отъ этихъ собраній. Намъ возразятъ: такъ вотъ организациі-то и развиваютъ чувства общественности. А можетъ быть убиваютъ? Зачѣмъ дрессировать то, что и само проявится, когда выростетъ естественно? Холодъ дрессировки заставляетъ прятать и природныя свойства или искажаетъ ихъ. Искусственное и насильственное раскрытіе живыхъ растительныхъ формъ разрушаетъ ихъ естественное развитіе. И инструкции и организациі нужны и необходимы, когда есть на лицо энергичное свободное чувство: они являются путями и формами для его дѣятельной жизни. Но когда его нѣтъ, то они его не создадутъ, а людей запугаютъ и засушатъ въ той именно области духа, гдѣ имъ нужно вполнѣ непринужденное, самоиниціативное живое развитіе. Собранія—также средство обоюдоострое. Когда въ людяхъ затепляются общія чувства, то собранія доводятъ ихъ до горѣнія; но когда кругомъ царитъ апатія, то унылія и бездарныя собранія только убиваютъ и послѣднюю теплоту въ сердцахъ ¹⁾. Иногда на этихъ собраніяхъ и горячіе порывы инициатора стухаютъ, когда онъ догадывается о комичности своего положенія при видѣ окружающихъ лицъ. На однихъ лицахъ—затаенныя думы, на другихъ—безнадежная унылость, инныя подернуты улыбкой сарказма и недовѣрія, на иныхъ написанъ отчаянный замораживающій скептицизмъ, на многихъ безмолвная жалоба на вынужденное и лицемѣрное участіе въ святомъ дѣлѣ, живыя начала котораго уже позасохли въ ихъ душахъ... Говоря по чистой совѣсти, развѣ не подор-

---

¹⁾ Намъ указываютъ на сектантовъ: съ ними ушло отъ насъ много духа и огня, не намеднихъ приложенія въ Церкви, за неизбѣимъ въ ней подходящихъ организаций. Но развѣ имъ нужны были только права и уставы этихъ организаций? Развѣ проекты „прихода“ дышать огнемъ религіознаго одушевленія, какого такъ страстно ищутъ лучшіе изъ сектантовъ? Не оттого ли они ушли, что чуялся имъ холодъ тамъ, гдѣ по ихъ убѣжденію нужно бы было быть огню? Какъ трудно, дѣйствительно, у насъ найти пекренихъ и горячихъ друзей по христіанскому угованью, какъ замѣтно у насъ отсутствіе могучаго и живого „теченія“ церковныхъ идей и чувствъ, къ которому можно бы было претать тѣмъ, кто не способенъ горѣть въ одиночествѣ!..

ваны у насъ общинныя церковныя чувства? развѣ есть у насъ почва для серьезнаго и глубокаго общенія? Конечно, эти чувства или умерли или только скованы отсутствіемъ необходимыхъ установленій и гарантій; но эти установленія и гарантій могутъ развиваться не механической тектоникой, а—просвѣщеніемъ сознанія, совѣсти. Имъ препятствуетъ не отсутствіе уставовъ, а присутствіе извѣстныхъ взглядовъ, противныхъ духу нашей вѣры; а эти взгляды опредѣляютъ отношенія, вынимая изъ нихъ душу. Здѣсь, конечно,—кругъ, взаимовліяніе внѣшняго и внутренняго: но начинать съ внѣшняго, по нашему убѣжденію, бесполезно; выходъ все-таки внутри: благодать и истина, вѣра и слово правды должны взволновать и оживить сердца, чтобы они запросили общенія и чтобы это общеніе было осмыслено и происходило не во имя какихъ-либо второстепенныхъ немощныхъ началъ, а во имя Христа и Его правды. При нравственной силѣ собранія—могучее орудіе, при духовномъ убожествѣ—они карикатурны, какъ богатырскій мечъ въ рукахъ карлика, какъ одежда взрослога на ребенкѣ.

У насъ, при проектахъ организованной дѣятельности, именно не учитывается эта великая инертность наличной массы, необходимость „со слезами учить каждаго“ изъ ея среды... Одному лицу пришла извѣстная идея. Она его движетъ. И думается ему, что она двинетъ и всѣхъ, особенно, если нужные люди выразили ей, по разнымъ побужденіямъ, сочувствіе. Организациа разработана, употреблены нужныя вліянія; люди движутся и суетятся, а дѣлу нѣтъ хода. Почему? Да потому, что идея, ясная одному, странною и чуждою кажется другому. По зависимости и страху или по корысти люди будутъ кое-что дѣлать; но развѣ это—тотъ общій могучій порывъ къ добру и правдѣ, какой стремится создать Церковь? Нѣтъ, Царствіе Божіе, чтобы вырасти, нуждается въ живыхъ сѣменахъ, всѣянныхъ въ добрыя сердца людей. Плодъ его творится въ терпѣнни, закваска медленно сквашиваетъ все тѣсто. При общей работѣ нужно, чтобы не одинъ, а каждый членъ жилъ и самъ дѣйствовалъ, чтобы каждый имѣлъ въ себѣ горячую идею, ясную цѣль, свободный починъ, вѣрное рѣшеніе. А для этого идея отъ одного должна перейти къ другимъ и созрѣть въ нихъ. Это—задача пророческая, пастырская. Для выполненія ея

требуется, чтобы идея была сильна и вдохновенна и чтобы сѣяніе ея было законосообразнымъ съ жизнью духа совершалось въ духѣ подлиннаго, Христова, пастырства. Всѣ грубые и механическіе методы непригодны въ излѣченіи глубокихъ разстройствъ нашего церковнаго, самаго вышшаго и потому самаго нѣжнаго, организма. Намъ нужны истинные пророки...

Взволновать и двинуть Церковь могутъ только ея собственныя цѣли, ея собственныя идеи. Дѣло ея дѣло Христово. „Непреходящій принципъ для своего обновленія она имѣетъ только въ личности своего Основателя (какъ выражается, помнится, Гизо)“. „Этого и язычники ищутъ“, говорилъ Господь относительно исканій матеріальнаго благополучія. Церковь не затѣмъ основана. Идея приходскаго благополучія, даже народнаго отрезвленія, не двинетъ Церкви, ея сознанія и чувства: они гораздо шире. Прежде всего души людей должны найти успокоеніе своихъ глубочайшихъ религіозныхъ запросовъ, и тогда они пойдутъ на дѣло во имя Божіе. Ищущимъ Царства Божія и правды Его „все это приложится“. И необходимая степень насущной обезпеченности, и чистота и строгость нравовъ, все достигается неизбѣжно и свободно тамъ, гдѣ посѣяны и растутъ сѣмѣна дѣйствительной, т. е. горячей вѣры. Почему напр., у сектантовъ, какъ рассказываютъ, такая сильная общинность, такая здоровая взаимопомощь? и это—безъ инструкцій и положеній, безъ приходскихъ правъ? Потому, конечно, что тамъ—осколокъ нашей идеи, но вросшій въ живую почву; а у насъ вся идея, только она—въ святыхъ письменахъ, а души наши большею частію пустыньны и холодны. Новый Завѣтъ есть завѣтъ и единеніе духа человѣческаго съ Духомъ Божіимъ черезъ Господа Иисуса Христа. Въ этомъ завѣтѣ нужно ожить намъ, чтобы быть добрыми и дѣятельными... Большой безъ движенія; его толкаютъ и двигаютъ: работаи, спасень будешь; это—правда, только онъ валится и задыхается. Отворите окно, дайте воздуха; живая циркуляція крови возбудитъ его, и движенія его будутъ полезны для него, а не изнурительны. Мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ людей, въ которыхъ лучшія религіозно-нравственныя стремленія или оскорблены и задушены, или неразвиты и затянута равнодушіемъ. И отъ нихъ требуютъ энергичнаго и

одушевленнаго добра, ихъ зовутъ на собранія, имъ вручаютъ уставы и инструкціи. И что же? Является необходимость штрафовать и священниковъ за уклоненіе отъ собраній въ 3-мъ благоч. окр. Тверскаго уѣзда. Церк. Вѣд. 1908, № 21). Мы—представители вѣры, на насъ готовъ обрушиться надвигающійся валъ невѣрія; а стоитъ только поставить объ этомъ вопросъ, какъ мы раздѣляемся и „исходимъ единъ по единому“ (Пастырское собраніе въ Самарѣ. Церков. Вѣстн. 1908, № 40). Странно ждать плодовъ отъ древа съ подрѣзанными корнями, прогрессивно сохнущаго. Стремиться оживить Церковь бюрократическимъ методомъ, насаждать приходскія организаціи, не позаботившись о жизненности того корня, изъ котораго они произрастаютъ, значитъ стоять очень далеко отъ церковной точки зрѣнія. Для оживленія Церкви всѣмъ и каждому изъ желающихъ этого необходимо *усвоить*, т. е. сдѣлать своимъ, обычнымъ, духъ Евангелія, духъ Христовой любви, правды, терпѣнія и служенія („Я посреди васъ, какъ служащій“. Луки 22, 25—27). Это значитъ—взять дѣло во всей его тяжести и понести немощи немощныхъ. Нельзя ждать быстрого бѣга отъ замореннаго коня, хотя бы и при жестокихъ ударахъ бича; а души людей кругомъ именно замираютъ, алчутъ и жаждутъ, и больной улыбкой встрѣчаютъ „нудныя“ рѣчи и бумаги о „приходскомъ оживленіи. Впрочемъ, большинство—равнодушны. Это еще хуже.

По нашему мнѣнію, нужно прежде всего научить людей, нужно поднять и усилить церковное просвѣщеніе. Нужно при этомъ добиться, чтобы идеи вѣры стали въ насъ живой силой, преобразили бы наши чувства, рѣчи, отношенія, *характеръ*. Нужно взволновать то, что мы называемъ *духомъ* церковнымъ, до сильнаго и жизненнаго напряженія. Нужно пойти въ этомъ дѣлѣ по чисто-церковному пути или методу, рѣзко отличая его и отъ псевдо-церковности, съ одной стороны и отъ стремленій вѣка, выдвигающихъ хлѣбъ и политику на первый планъ,—съ другой. А прежде всего этого нужно заклеить и отбросить все, что оскорбляетъ и умерщвляетъ высшія запросы духа... Тогда начнется дѣйствительно *церковная* жизнь, создадутся и осуществляются на дѣлѣ самыя совершенныя и живыя организаціи полныя истины и благодати, насущно намъ необходимыя. Добродѣтель

же по приказу, самодѣятельность по принужденію, это — нѣчто странное, самопротиворѣчивое и невозможное. Самодѣятельность и горячая ревность въ добрѣ возможны только при извѣстномъ развитіи сознанія и чувства, при необходимой степени *откры*. А вѣру создаютъ слово и мысль подлиннаго христіанскаго ученія, согрѣтыя и одушевленные дѣйствительною любовью. „Постоянно любить другъ друга отъ чистаго сердца“ можно, по ученію Писанія, предварительно „послушаніемъ истинѣ чрезъ Духа очистивъ души къ *нелицемерному* братолюбію (1 Петр. 1, 22)“. Это законъ для тѣхъ, кто *возрожденъ словомъ Божиимъ*, проповѣдью вѣры тамъ же: ст. 23—25).

Истинное христіанское ученіе, конечно, не есть резонерство или отвлеченное слово, а есть живое сознаніе, живая истина, воплощенная въ цѣльной, святой личности. Наша проповѣдь не въ словѣ, хотя и при посредствѣ слова, а въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Чтобы дѣлать, мнѣ нужны не указы, не инструкціи, а „духъ и сила“; т. е. мнѣ нужно увидать подлинно человека Христова, согрѣтыя теплотою любви его и хотѣ „малое время порадоваться при свѣтѣ его (Іоан. 5, 35)“. Отъ этого вспыхнуть во мнѣ таящаяся сила духа, я раскроюсь и опредѣлюсь согласно своей природѣ, какъ любовь, и буду томиться безъ дѣла и служенія любви, внося и съ своей стороны огонь въ нашу общую охладѣвшую жизнь. „Огонь Я пришелъ низвестъ на землю... Безъ Меня не можете дѣлать ничего“. Мы должны воспитаться въ сосуды Христова огня; безъ него мы ничтожны для нравственнаго подвига. Холодный приказъ, или расчетливая инструкція добродѣтели вынимаютъ душу изъ добраго дѣла, даютъ ему иные смыслъ и цѣну... Умирающей отъ жажды—плохой работникъ; человекъ съ истомленнымъ духомъ—плохой благодѣтель. Поэтому прежде насыть меня Царствомъ Божиимъ, которое—„не пища и питіе, а правда, и миръ, и радость въ святомъ Духѣ (Рим. 14, 17)“. и тогда жди отъ меня живыхъ дѣлъ.

Нельзя исцѣлить организма началами, ему несродными. Начавшееся оживленіе Церкви должно итти путемъ не механическимъ, а органическимъ и на основаніи только подлинныхъ духовныхъ ея началъ. Только жажда вѣчной правды, любви и разума должны двигать это оживленіе: удовлетво-

реніе этой жажды будетъ превращаться въ дѣятельную организующую силу. И помогать этой силѣ можно только органически, вліяя на возрастаніе и развитіе того духа, отъ котораго она рождается.

Иногда кажется, что механика необходима, по крайней мѣрѣ, въ устраненіи нѣкоторыхъ духоборныхъ порядковъ и нѣкоторыхъ изжитыхъ формъ. Но и въ этомъ случаѣ успѣхъ можетъ быть обезпеченъ только за положительной органической дѣятельностью, а не за отрицательной механической. Для чистаго и могучаго подъема церковнаго духа будетъ добрѣе; а критика нечистая, съ примѣсю личныхъ и мірскихъ вождедѣній, и реформа, движимая духомъ гордости и презрѣнія къ старому, неизбѣжно будутъ встрѣчать препятствія: онѣ только возмущаютъ и ссорятъ людей и кончаются, обычно, ничѣмъ. Устранить нѣкоторые существующіе вредные порядки можно только при высокомъ подъемѣ церковнаго сознанія, когда они должны будутъ уступить новому теченію не во имя того, что они *намъ* неудобны, а во имя того, что они—*неправда*, противная созидающему Церковь Духу и потому для нея вредная. Такой подъемъ церковнаго сознанія нуждается въ трудолюбивой и честной работѣ мысли. Старыя формы преклонятся только предъ могучимъ духомъ, непременно проявляющимся въ великихъ и совершенныхъ формахъ, а не предъ пустотою отрицаній, неизвѣстно чѣмъ иногда возбуждаемыхъ и потому вызывающихъ справедливое недовѣріе. Но не бѣльшаго довѣрія заслуживаютъ и положительные проекты механическихъ организацій, такъ какъ эти начинанія, не выяснившія своего духовнаго содержанія, опять таки могутъ имѣть подъ собою или ту же пустоту, или чуждыя Церкви начала. О церковныхъ преобразованіяхъ охотно говорятъ люди очень мало и очень плохо вѣрующіе. Они не признаютъ, что духовное содержаніе Церкви можетъ удовлетворить запросамъ духа и разума людей XX вѣка, но сочувствуютъ—въ утилитарныхъ видахъ—тому, чтобы сила и запасъ любви, сокрытой въ церковномъ ученіи, были наилучшимъ образомъ использованы для блага человѣчества. Церковь не можетъ имѣть никакой солидарности съ подобной точкой зрѣнія, ибо послѣдняя безусловно невѣрна, какъ плодъ невѣдѣнія подлиннаго духовно-разумнаго содержанія Церкви. Нѣтъ, мы не можемъ

подать руки такимъ и имъ подобнымъ преобразователямъ, а должны твердо стать на свою собственную почву. Въ цѣляхъ скорѣйшаго и подлиннаго церковнаго прогресса намъ нужно глубоко продумать и довести въ себѣ до полной жизнеспособной силы Божественнаго непреходящаго начала церковнаго „свѣта и разума“ и подновить формы общественно-церковной жизни не потугами нашей немощи, а „явленіемъ духа и силы“. Именно беспочвенность относительно церковныхъ началъ и чувствуется въ нѣкоторыхъ современныхъ общественно-церковныхъ начинаніяхъ (какъ правыхъ - охранителейъ такъ и лѣвыхъ - обновленцевъ).

Почти—что ничего еще не сдѣлано для опредѣленія того, чѣмъ мы больны, отъ чего увядаютъ наши души; ничего не сдѣлано еще для нормальнаго подъема церковнаго духа и сознанія, а широкая реформа внѣшняго церковнаго строя у всѣхъ на устахъ, организаціи проектируется и проводится не мало. Что ихъ создаетъ?—Канцелярія, расчетъ, политика; но вдохновенія Божественнаго въ нихъ не чувствуется. Нужно кормить бѣдныхъ; нужно ждать отдѣленія Церкви отъ государства и къ этому готовиться; нужно основать безбѣдное и безпечальное внѣшнее положеніе Церкви на общинахъ; нужно, можетъ быть, немедленно основать эти общины. Но все это существа Церкви не касается; все это ее-то собственно не оживляетъ. Она живится съ иной стороны. А этого „и языцы ищутъ“. Здѣсь расчетъ. Да едва-ли вѣрный: если въ погонѣ за внѣшними правами и нормами мы забудемъ воспитать духъ въ людяхъ, то, когда мы въ будущемъ захотимъ опереться на созданные устои, они рассыпятся, какъ составленные изъ слабыхъ и нецементированныхъ элементовъ. Такъ случилось во Франціи, гдѣ равнодушное общество отдало Церковь на великое униженіе. Только чистый пророческій призывъ, чуждый всякаго лукавства и исполненный силы Господней, способенъ положить начало новому порядку вещей въ оградѣ Церкви.

Есть не мало людей, ищущихъ, куда бы и на что бы имъ отдать всю свою жизнь, всѣ свои силы. Они томятся отъ бездѣлья. Знаютъ, что нужно любить, что жизнь—въ добрѣ; да только сердца ихъ пусты и холодны. Въ своей тоскѣ они зовутъ пророка (см. у Надсона), готовы идти съ нимъ на костеръ, только бы вѣрить, только бы любить. Это—законъ

нашей психики: примкнуть къ общему чувству, къ движению, къ Церкви, вѣрится вождю и пророку. Но—гдѣ они? А не всякій имѣеть право позвать меня на доброе дѣло: не со всякимъ я пойду. Сладкимъ голосомъ говорятъ мнѣ: „пойдемъ, поможемъ бѣдному брату“... Но я знаю, что объ этомъ будутъ трубить; но я знаю, что зоветъ меня пустое сердце, но я знаю, что этотъ „благодѣтель“ не проститъ мнѣ ни моей ошибки, ни горячаго слова правды, и, если я поскользнусь, онъ столкнетъ меня съ своего пути. Зная это, развѣ я пойду съ нимъ? Нѣтъ. А такихъ положеній въ жизни не мало. Иные готовы море и сушу обойти ради одного только прозелита, да нѣтъ въ этомъ ни пользы, ни смысла (Матѣ. 23, 15): отъ великаго до смѣшного и жалкаго—одинъ шагъ. Есть начинатели, ревностные слуги добра въ одной области жизни и равнодушные попустители наглаго попрания его въ другой. Гдѣ нѣтъ цѣльности, тамъ нѣтъ искренности, тамъ нѣтъ духа Христова, нѣтъ увлекающей нравственной силы.

Но гораздо хуже обстоитъ дѣло, когда призывъ предлагается въ формѣ, прямо-таки оскорбительной для простого религіознаго и нравственнаго чувства... Народъ голодаетъ, некультуренъ его основной земледѣльческій трудъ. Дѣло любви христіанской—поучить, поруководить его въ хозяйствѣ, накормить его собственнымъ разумнымъ трудомъ. Но неужели къ этому призванъ—священникъ? Неужели онъ „оставитъ молитву и служеніе слова“ и ринется въ эту запутанную житейскую борьбу: будетъ съ увлеченіемъ изучать сельское хозяйство, настойчиво проводить „саксонскую“ систему, выписывать сѣмена, устроить „мелкое кредитное товарищество“ съ продажей сельскохозяйственныхъ орудій, основывать „пожарную дружину“, руководить совѣтомъ, въ которомъ одинъ членъ имѣеть заботу „о народномъ здравіи и о томъ же относительно скота“, другой—„объ устройствѣ ссудной кассы и потребительской лавки“; и все это—подъ предсѣдательствомъ священника, иногда при „оппозиціи“ ему членовъ совѣта¹⁾. Да можно ли думать, чтобы при этомъ священникъ остался именно священникомъ, а не превратился въ земскаго дѣятеля? Это—духъ вѣка. Всѣ кинулись

¹⁾ Смотри доклады священниковъ Невѣтаева и Аеанасьева въ Церк. Вѣд. 1908 г. №№ 22 и 23.

въ погоню за матеріальными успѣхами, а задачи духа и вѣчности—въ небреженіи; да ужъ и пастырей тянутъ съ ихъ великихъ постовъ. О сѣменахъ и пожарныхъ командахъ есть кому и помимо пастыря стада Христова позаботиться; а дѣлу Церкви безъ него послужить некому. И если въ критическій для Церкви вѣкъ невѣрія и матеріализма священникъ громко рекламируетъ подобное ненормальное отношеніе свое къ порученному ему пастырскому дѣлу, „о которомъ онъ будетъ испытанъ во второе пришествіе“ Господне, то развѣ это не зловѣщій симптомъ паденія церковнаго духа, развѣ это не оскорбленіе церковнаго чувства?

Но этого мало. Стремясь осуетиться житейскими попеченіями, священникъ, этотъ стражъ святыни дома Божія, поставляетъ для себя цѣлью, хотя и на третьемъ мѣстѣ: „чтобы храмъ приходскій былъ центромъ приходской жизни, объединяющимъ всѣхъ не только въ вопросахъ вѣры и нравственности, но и въ чисто житейскихъ дѣлахъ (Церк. Вѣдом. 1908 г. № 22, стр. 1006)“. Храмъ—центръ и объединеніе... *въ чисто житейскихъ дѣлахъ...* Да развѣ это не чудовищно въ устахъ священника? Кто же смѣетъ обратить храмъ въ такой центръ? Для этого есть базаръ. Неужели у насъ молчитъ совѣсть, и намъ нуженъ бичъ, охраняющій святыню „дома молитвы“? Если священникъ предъ лицомъ всей русской церкви похваляется своей мечтою и стремленіемъ—объединить въ храмѣ служеніе Христу и мамонѣ, то развѣ это не жгучее религиозное оскорбленіе для вѣрующихъ? Такія оскорбленія сушатъ душу, вызывая мучительный гнѣвъ. Они налагаютъ густую тѣнь на все дѣло „приходскаго оживленія“; и когда одни говорятъ о „приходѣ“, другіе глядятъ: гдѣ же бичъ Господень? А онъ уже есть. Очень часто приходится наблюдать, какъ многіе храмы наши зловѣще малолюдны и пусты. Почему? Потому, между прочимъ, что души, угнетенныя житейскими заботами, умы, истомленные навязчивыми безконечными политическими злобами дня, когда приходили къ Отцу, въ домъ молитвы, чтобы на время забыть землю, отдохнуть, облегчить сердце слезами умиленія, часто встрѣчали и здѣсь или озлобленную политику или „чисто житейскіе“ расчеты и начинанія. И они пошли за иными наставниками, или стали служить мамонѣ болѣе послѣдовательно...

Подъ 1-й и 2-й цифрами въ докладѣ, какой здѣсь разумѣется, стоитъ цѣль церковно-религіозная: вліяніе Церкви и религіи должно пройти на всѣ пути жизни. Но этого можно достигнуть какъ разъ только тогда, когда храмъ будетъ для насъ „святыней Господу“, а не центромъ объединенія „и въ чисто житейскихъ дѣлахъ“. Ничѣмъ мы такъ не поможемъ людямъ, какъ исполненіемъ своего прямого дѣла, т. е. если будемъ именно „священниками“. Нужно знать, какъ Церковь совершаетъ свою духовную пророческую миссію, вліяя на всѣ стороны человѣческой жизни. Для этого вовсе не нужно, чтобы храмъ и священникъ были окружены и подавлены сѣменами, орудіями, лавками, пожарными командами и т. п., а какъ разъ напротивъ: чтобы были совершенно устранены отъ этого. Господь, устроая спасеніе *всего* человѣка, не сказалъ намъ: ходите по путямъ человѣческимъ, а сказалъ: идите за Мною. Вы—соль земли. Вы—свѣтъ міра. Вы—свѣтильники на подсвѣчникъ и города вверху горы...

Но мы почему-то не хотимъ быть самими собой, а ищемъ подражанія. вмѣсто церковной общины мы стремимся создать мелкую земскую единицу. Мы готовы идти по пятамъ за земствомъ, конкуррировать съ нимъ и забирать его работу. Мы видимъ, какъ падки люди на матеріальныя блага, какъ уловляютъ ихъ на эту приманку. И мы хотимъ приманить людей хлѣбомъ и богатствомъ. И для Церкви - ли это главнымъ образомъ дѣлается? Какъ рѣдко слышится, что наша вѣра—безусловная и вѣчная цѣнность, какъ истина и правда; и напротивъ—даже отъ прославленныхъ проповѣдниковъ часто слышно, что наша вѣра укрѣпила и возвысила государство, что она дастъ и въ будущемъ всѣ блага земли и что поэтому она имѣетъ особую цѣнность. Не значить ли это „вѣчную истину мѣрять аршиномъ торгашей?“ А если эта истина не дастъ намъ видимыхъ цѣнностей, ибо „мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ,“ что—тогда? И мы хотимъ имѣть спасительное вліяніе на людей, хотимъ считаться потомками тѣхъ, которые возвѣстили истину съ великими жертвами?...

Намъ скажутъ: крайность; почему бы не быть пастырю иногда и хорошимъ хозяиномъ и земскимъ дѣятелемъ? Правда. Но вѣдь должны же быть особыя требованія отъ тѣхъ, кто

всходить на пророческую кафедру? Если бы хозяйственность рекомендовалась какъ случай и исключеніе или какъ выходъ для неудачниковъ въ прямомъ пастырскомъ дѣлѣ, было бы, пожалуй, терпимо. Но если это выставляется лозунгомъ для цѣлаго церковнаго движенія, то оцѣнка, необходимо, должна быть иная.

Не говорить о духѣ и любви, а говорить о мелкихъ и второстепенныхъ средствахъ и начинаніяхъ — стало для насъ обычнымъ. Да и здѣсь мы не оригинальны. Когда нѣтъ духа, тогда нѣтъ творчества, нѣтъ своего. А о другихъ слышимъ, чѣмъ они сильны. И мы подражаемъ... Сектанты ведутъ сильную пропаганду словомъ, жизнью и брошюрой. На миссіонерскомъ съѣздѣ постановляется: „рекомендовать“, „признать желательнымъ“ и „полезнымъ“ изданіе книгъ, брошюръ и листовъ... Во-первыхъ, это пожеланіе, а не дѣло: во-вторыхъ, почему мы рѣшаемся на это пожеланіе только глядя на сектантовъ? въ третьихъ, откуда сразу возьмутся у насъ писатели? А ихъ очень мало. Великая церковь, множество богослововъ, священниковъ и иноковъ; а гдѣ у насъ могучій потокъ слова, писаній? и почему насъ такъ обидно обошли эти маленькія общинки? Если мы заведемъ „свои“ типографіи, то отъ этого мы не сдѣлаемся писателями. Безполезны въ данномъ случаѣ и „издательскія коммисіи“. Нужно сначала духъ вложить, огонь, возбудить силу мысли и творчества. А это—возможно не отрицательнымъ путемъ, созидая полемическую литературу, а главнѣйшимъ образомъ—живя положительною религіозною жизнью. Но здѣсь-то мы и слабы, какъ бы краснорѣчиво ложные пророки ни увѣряли въ противномъ, усыпляя народную совѣсть и отравляя ее сладкимъ самообольщеніемъ, что Русь свята была, есть и будетъ...—Сектанты сильно привлекаютъ народъ своими собраніями. „Для борьбы съ баптизмомъ коммисіею признаны полезными слѣдующія мѣры: 1) Въ противовѣсъ сектантскимъ молитвеннымъ собраніямъ необходимо въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ, устраивать внѣбогослужебныя бесѣды съ чтеніемъ слова Божія, съ проповѣдью, съ пѣніемъ псалмовъ и пѣсней духовныхъ. Собранія эти должны происходить подъ руководствомъ священника, или діакона, или знакомаго съ миссіонерскимъ дѣломъ псаломщика“ (Церк. Вѣд. 1908 г. № 34, стр. 1642)... Какъ много [разъ это реко-

мендовалось, какъ слабо это удается и какъ микроскопичны результаты! Потому что безсиліе здѣсь—въ самомъ корнѣ дѣла. Собранія—„въ противовѣсъ“; а безъ противовѣса они, значить, не нужны? „Въ приходахъ зараженных“... а въ цѣльно-православныхъ они, очевидно, излишни? Руководитель—„священникъ, или діаковъ, или... псаломщикъ“; а мы знаемъ, что среди нашего клира мало пророческихъ натуръ: иной діаковъ или псаломщикъ въ подобномъ собраніи или сконфузится, или изъ великаго сдѣлаетъ нѣчто смѣшное. Характерно, что отъ руководителя собраніемъ требуется не религіозная ревность, а „знакомство съ миссіонерскимъ дѣломъ“. И такія случайныя, порученныя тому или другому, и никому въ частности собранія, признанныя, вообще, для всѣхъ ненужными, противопоставляются собраніямъ одушевленнымъ, насущнымъ, съ которыми сектантство стоитъ и падаетъ. Очевидно, предпріятіе начинается (впрочемъ, только „признается полезнымъ“) съ неподходящими средствами. А почему бы сектантскимъ молитвеннымъ собраніямъ не противопоставить нашихъ „стояній“, „бдѣній“, „литургій“? Почему бы не сдѣлать нашихъ Богослужебныхъ собраній полными огня, общаго порыва и одушевленія, чего такъ ищеть и чѣмъ такъ плѣняется каждое сердце, въ чаяніи чего и русскій народъ часто оставляетъ свои храмы и бѣжитъ къ сектантамъ? Нѣтъ, мы хотимъ сдѣлать храмы „центрами для объединенія и въ чисто житейскихъ дѣлахъ“, а вопросъ о самыхъ даже скромныхъ пожеланіяхъ относительно нѣкоторыхъ поправокъ для оживленія Богослуженія, для его приближенія къ людямъ, былъ немедленно замѣтъ на Киевскомъ съѣздѣ... Да, у насъ нѣтъ пророковъ! У насъ боются вдохновенія!... Много думъ, заботъ и вопросовъ тяготитъ насъ. А въ дѣйствительности намъ нужна бы только одна насущная думка: отчего мы такъ слабы и въ чемъ наша сила?

Наша слабость—въ разбродѣ, въ безыдейности. Нѣтъ у насъ *одного* знамени и при томъ настолько высокаго, чтобы оно было видимо всѣми и всѣми вѣрующими почитаемо. Не видимъ мы одной, всѣмъ дорогой и всѣми сознанной, цѣли, которая всѣхъ бы насъ примиряла. У насъ и къ великимъ вѣрованіямъ часто примѣшивается свое, узкое, расчетливое и партійное начало, несогласное съ идеалами вселенской Церкви. Съ духовными началами смѣшиваются условныя,

мірскія, преходящія стремленія. Все это препятствуетъ созданію единого мощнаго церковнаго теченія, все это оставляетъ въ сторонѣ—отъ обозначившихся направленій—людей чисто-христіанскаго, духовнаго склада. Этѣхъ людей можетъ взволновать только идея чистой правды, идея Креста. Но послѣдняя не получила еще въ нашей жизни общаго и реального значенія, т. е. она не является силой, всѣхъ и во всемъ движущей и всѣхъ объединяющей. А между тѣмъ въ этомъ-то и состоитъ *жизнь* Церкви. И когда мы говоримъ объ оживленіи духа церковнаго, мы разумѣемъ именно то, чтобы выше всѣхъ знаменъ человѣческихъ было вознесено знамя Креста,—не для благоговѣйнаго только почтенія, а какъ безусловная нравственная власть и вдохновляющая сила въ каждый моментъ жизни.

Но это знамя сильно только въ чистыхъ рукахъ. Поднять его—значитъ измѣнить всю жизнь въ ея глубочайшихъ источахъ. Это и значитъ возродить духъ. Возрожденіе духа есть созданіе новаго человѣка, новой твари, *новаго характера*. Могучій принципъ подобнаго возрожденія на-вѣки заключенъ для Церкви въ духъ и характеръ ея Главы—Богочеловѣка Христа. Характеръ человѣка налагаетъ свой отпечатокъ на всѣ мелочи, окружающія человѣка, не говоря уже о такихъ значительныхъ вещахъ, какъ общественныя организаціи. „Вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ“. Измѣненіе въ мелочахъ, но обусловленное важными нравственными принципами, имѣетъ громадную силу въ жизни. Возрожденіе духа непремѣнно сопровождается реформами внѣшней жизни, какъ всякое покаяніе, и безъ этихъ реформъ оно призрачно. Но безъ возрожденія духа всѣ реформы—игрушка. У насъ исторически сложился доминирующій въ нашей жизни *характеръ*, при которомъ невозможны живыя организаціи. Это—„нашъ духъ“, часто противобояющій Духу Божію, но въ своемъ самомнѣніи „мнящійся службу Ему приносить“. Выясненіе и надломъ этого „нашего права“ и должны служить первымъ шагомъ на пути нашего духовнаго и внѣшняго возрожденія.

Если тѣ или другія проектируемыя организаціи имѣютъ цѣлью перерожденіе именно основнаго и общаго нашего характера по единому и вѣчному Идеалу, то ихъ должно назвать живыми, духовными. Церковь—духовная организа-

ція, ибо она стремится къ возрожденію каждой личности по образу Христову. И каждый обрядъ въ ней является служеніемъ Богу „духомъ“, если онъ органически связанъ съ непреходящей и единой цѣлью Церкви; въ противномъ случаѣ онъ—плоть, не имѣющая въ себѣ жизни. Съ этой точки зрѣнія мы и рассматриваемъ всѣ организаціи; и когда, прислушиваясь къ проектамъ ихъ, мы говоримъ: „духа нужно“, то это значитъ, что мы проектируемымъ реформамъ желаемъ не смерти, а жизни. Мы хотимъ имъ одушевленія, ибо неодушевленная плоть истлѣваетъ.

Кто ищетъ „духа“, тотъ смотритъ въ корень и основу вещей, тотъ ищетъ точнѣйшаго діагноза болѣзней и дѣйствительныхъ радикальныхъ врачеваній. Отсутствие общенія, взаимопомощи, благотворительности и просвѣтительности въ приходсахъ, это—симптомы болѣзни, а не корень ея. И сколько бы мы съ ними ни боролись, они будутъ проявляться, пока не найдена и не устранена дѣйствительная причина недуга. Приходскій проектъ начать не духовными, а свѣтскими людьми, диллетантами въ церковной жизни. У духовенства еще не спрашивали, „почему мы безсильны?“ А если нѣкоторые изъ насъ и увлеклись симптоматическимъ лѣченіемъ, то это—не надолго, если и искренно. Опытъ покажетъ, что при сильномъ холодѣ нельзя сдѣлать работы, требующей массы огня и жара. Сначала нужно найти духовную почву, напитать запросы духа, который „внутри“, а потомъ, взглянувъ изнутри во-внѣ, можно-бы было опредѣлить, что здѣсь всего нужнѣе въ интересахъ духа. Въ интересахъ-ли духа предполагаемая организація прихода? Это пока ничѣмъ не доказано. Объ оживленіи духа рѣчей мало. А если бы ихъ начали, то объ организаціи прихода заговорили бы послѣ всего. Да вѣроятно и не пришлось бы говорить: все уже было бы въ живомъ и дѣятельномъ движеніи, и нужныя организаціи могуче и разнообразно создавались бы творческой силой воспрянувшей жизни.

Но проповѣдь идейной работы есть ли отрицаніе насущнаго значенія за внѣшней стройкой? Нисколько. Насущности внѣшней стройки мы не отрицаемъ, а усиленно ее утверждаемъ, когда требуемъ внутренняго, духовнаго возрожденія, ибо безъ послѣдняго нѣтъ ни смысла, ни прочности, ни серьезности во внѣшнихъ начинаніяхъ. Не про-

тивъ насущности внѣшняго обновленія мы протестуемъ, а противъ оторванности его отъ духа, отъ идеи, отъ корня, — противъ убійственной услуги дѣлу возрожденія. Поэтому еще вопросъ, кто созидатели: тѣ ли, которые строятъ, или тѣ, которые останавливаютъ, предлагая инья основанія. Если архитекторъ приказываетъ разметать слабую постройку на песчаномъ основаніи, то это не значить, что онъ не строитель: нѣтъ, онъ хочетъ заложить прочную стройку на каменномъ фундаментѣ. Въ такомъ именно положеніи находятся и проповѣдники „духа“, отрицая нѣкоторые моменты современнаго церковно-обновительнаго строительства. Они ищутъ фундамента, они хотятъ прочности этой несомнѣнно насущной стройки, когда говорятъ: не надѣйтесь на организацію, разъ нѣтъ у васъ духа; не ждите плодовъ добродѣтели, разъ сердце ваше пусто и холодно; не мечтайте порадоваться и согрѣться въ раю чистой и могучей любви, разъ нѣтъ у васъ вѣры. Мы болимъ за страшную нужду общенія, союза, геройскаго подвига общей дѣятельной любви, побѣдоноснаго торжества правды и добра „въ мірѣ семъ, прелюбодѣиномъ и грѣшномъ и потому ищемъ дѣйствительной основы, духа, силы, смысла и неотступнаго жара въ дѣлѣ добра, а не хотимъ успокоиться на легкихъ мечтательныхъ планахъ.

Люди „духа“ не могутъ забыть сказаннаго: „не любимъ словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истинною“. Пусть не забываютъ и строители „организацій“, что „духъ животворить, плоть не пользуется ни мало“. Имъ нужно братски прислушиваться къ голосу тѣхъ, кто стоитъ за внутренній прогрессъ, ибо они не враги ихъ, а друзья. Конечно, безусловно нужно пахать и сѣять, но что дѣлать, когда нивы замерзли, когда нѣтъ дождя и солнца? Души людей жаждутъ и свѣта и привѣта; ихъ нужно согрѣть правдой и напоить живой водою; съ нихъ нужно сдернуть покрывало, которое скрываетъ отъ нихъ сущность церковной жизни,—безконечную славу вѣчнаго свѣта и милосердія! Самая усердная внѣшняя стройка будетъ имѣть церковное значеніе и дѣйствительный успѣхъ только тогда, когда на первый планъ, какъ цѣль будутъ поставлены и на минуту не забыты интересы духа, когда будетъ разгадана его тяжелая болѣзнь. Иначе безчисленные проекты, положенія, уставы, реформы, при самыхъ отчаянныхъ усиліяхъ провести ихъ въ жизнь, будутъ „волшебнo безсильны“...

Больной безъ движенія. Разумно-ли разсуждать, куда ему пойти, хотя, конечно, „человѣку пужно куда-нибудь пойти?“ Ему нужно сначала встать. Но врачъ и про это слушать не хочетъ: „перестаньте шутки шутить: нужно сначала разсмотрѣть въ чемъ дѣло?“ Бываетъ иногда, что не только лѣченіе, но лишь постановка правильнаго діагноза требуетъ не мало времени и совѣщанія многихъ врачей. Колеблется вѣра; идейные и нравственныя силы въ небываломъ общемъ упадкѣ; пророковъ нѣтъ; и думать, что мы можемъ въ такихъ условіяхъ сразу произвести могучій общественный переворотъ въ сторону дѣятельной любви, по меньшей мѣрѣ—неосновательно. Гдѣ у насъ дѣятели—герои? Конечно, вся надежда и сила реформы—въ духовенствѣ. Но готово-ли оно? Очень и очень неготово, выражаясь помягче; и свою неготовность оно передаетъ въ плоть и кровь своихъ дѣтей, преемниковъ своего служенія. Есть-ли у насъ огонь вдохновенной вѣры, необходимое условіе воздѣйствія на души, сила „обращенія?“ Развѣ—какъ исключеніе, подтверждающее общее печальное положеніе. Въ духовныхъ школахъ мы готовимъ апостоловъ нашего исповѣданія, надежду будущихъ церковныхъ поколѣній; для ихъ воспитанія мы отдѣляемъ лучшія церковныя силы (по крайней мѣрѣ—такъ должно бы быть). И что же? Въ годы горячей юности, въ періодъ килучихъ и безкорыстныхъ идеальныхъ порывовъ, полагая великія усилія, мы добиваемся отъ питомцевъ лишь того по большей части, что они не только не увлекаются идеалами Церкви и служеніемъ ей, но исполняются относительно нея или холодной апатіей, или злой враждой, или корыстнымъ нуднымъ лицемѣріемъ... Развѣ не ясно, что гдѣ-то глубоко—глубоко въ нашемъ духѣ есть какой-то грѣхъ, какая-то роковая неправда, отравившая нашу совѣсть, удалившая ее отъ „неизглаголаныхъ воздыханій“ и воздѣйствій Духа Истины, преградившая расцвѣтъ въ нашей жизни той благодати, которою мы нескучно питаемся? И когда мы видимъ и ощущаемъ грѣхъ свой, то нужно ли на насъ гнѣваться, что мы съ болью и совершенно недвѣрчивой улыбкой встрѣчаемъ проекты приходскаго оживленія, которое на нашъ взглядъ представляются несерьезными. И мы говоримъ, что корень—въ духѣ, что безъ корня не будетъ плодовъ...

Мы не вѣримъ въ организацію, порожденную не подѣ-

еюмъ общаго духа и сознанія, не „Духомъ отъ Бога“, а или обычными утилитарными соображеніями и разсчетами, или и идейными, но непродуманными, непрактичными и потому безсильными порывами. Мы не можемъ спокойно смотрѣть на ошибку, въ силу которой насъ зовутъ, забывая о серьезномъ общественномъ кризисѣ *тѣры*, устремить вниманіе на *дѣла*: вѣдь дѣла то и растутъ именно на корнѣ вѣры. Намъ ясно видно, что въ нашъ историческій моментъ для противодѣйствія опасному идейному разложенію жизни необходимо сплотиться всѣмъ людямъ вѣры и духа въ одинъ могучій союзъ. И этотъ союзъ и это противодѣйствіе возможны только на одной, глубоко разработанной и несокрушимой, идейной базѣ. Нужно ясно и горячо понимать, куда мы идемъ, что и зачѣмъ дѣлаемъ?... Если бы была разгадана и усвоена „духовная“ точка зрѣнія, то это повело бы, во-первыхъ, къ объединенію истинныхъ друзей Церкви, во-вторыхъ,—къ правильной постановкѣ единственно пока драгоценнаго для насъ вопроса въ дѣлѣ церковнаго возрожденія, вопроса о причинѣ нашего духовнаго упадка. Горе наше въ томъ, что изсякли въ нашей общей жизни духовныя дарованія. Какъ нравственныя паденія глушатъ индивидуальный талантъ, такъ общія историческія неправды отравляютъ общественныя дарованія. Но мы не до конца погибли: есть у насъ „святое сѣмя“ и живой „корень (Исаи 6, 13)“, отъ котораго можетъ воспрянуть могучая жизнь. Есть у насъ и люди, которые весь смыслъ своего существованія видятъ въ служеніи Церкви Христовой, торжеству правды ея въ родѣ человѣческомъ. При извѣстныхъ условіяхъ, при устраненіи нѣкоторыхъ укоренившихся у насъ превратныхъ взглядовъ и при освобожденіи отъ миража неоправданной вѣры въ наши беспочвенныя организаторскія начинанія, они могли бы выйти на дѣло свое. Это дѣло должно состоять въ томъ, чтобы объективно и научно, при взаимной братской помощи и одобреніи, изслѣдовать наше церковное состояніе (2 Кор. 13, 5) и по совѣсти, предъ Богомъ, отвѣтить на вопросъ: въ чемъ наша бѣда, наша болѣзнь, отчего мы такъ малодушны, что *лишаетъ насъ озариться духомъ нашей тѣры*, духомъ пророковъ и мучениковъ?..

Священникъ Димитрій Силинъ.